

Гремит Илья-пророк —
к прибытку и привесу.
Я раздобрел, хоть жил
частенько натощак.
Вернуться в эту жизнь?
И рад бы, да не влезу!
Застирана дождём и села,
как пиджак.

Бессмыслицу затей венчает
раздраженье:
Собрать бы всё да сжечь,
что в рифму настрогал.
Поэт Могутин Ю. не понят
населеньем.
В деревню, к тётке, в глушь!
С женой на сеновал.

Играй, гормон, играй!
Среди брусничных кочек
Призывно ржут в ночи младые
племена.
Ещё Господь не шлёт
мне роковой звоночек;
Я зряч и полон сил, и льнёт
ко мне жена.

Тому, кто будет мной, когда
меня не станет,
Я завещаю речь и эти берега,
Где небо и река меняются
местами.
Проходит всё, пройдёт и это,
а пока

Мои часы спешат. Я долго жил
стихами,
Рисующими жизнь, какой
в природе нет.
Уж столько за века поэты
набрехали
Про тот и этот свет!

Но что поделатъ мне с опаловым,
лиловым,
Объявшим горизонт сияньем
золотым,
С туманной полосой,
с лодчонкой рыболова,
Которую закат июльский
поглотил?

Давно я не был здесь.
К своей же тени в гости
Почто мне не пойти?
Рыбак, здорово, брат!
Те, к коим я спешил, теперь уж
на погосте.
Судьба сложилась так —
я в сем не виноват.

Лишь Волга и погост —
иных не знаю родин;
Нигде не слышал я таких
щемящих нот.
С пыреем кончил бой усталый
огородник.
А мне пора в шалаш —
возделывать блокнот.

Третьи сутки пьют, куролесят,
обезьянничают за стеной,
Пиво-водочный воздух месят,
словно в пику тщете земной.
Копошится шатучий улей...
Достучаться и дать пинка?
А к утру показалось — умер:
ни базара, ни песняка.
— Эй, вы, черти! Куда пропали?
Кто вы? Лузеры, везунки?
Ваши вопли, как винный камень,
оседают на дне тоски.
Вечно Русь то бузит, то плачет,
обнимает, как друга, врага.
Плач её ничего не значит.
Просто стонет в трубе пурга...

Настали листья, то есть их отлёт,
Потёмки — оккупация души.
И под ноги сигает гололёд.
Предвидятся большие падежи.

По миру анонимно бродит страх,
Стихов моих стихают голоса.
Коррозия садов чадит в кострах,
Столбами завиваясь в небеса.

Я снова оказался не готов
К декабрьской атаке холодов.
Но раздалась уверенность
в плечах.
А без неё бы я зимойм зачах.

Пришёл бы мне кирдык
и карачун.
Не помогли бы водка
и Минздрав,
Ни кот-баюн, ни птица Гамаюн,
Ни омбудсмен с его портфелем
прав.

А жизнь куда-то, сторбившись,
идёт
За снегом, за крупитчатой мукой.
Но, как всегда, у них переучёт —
Не этот, так какой-нибудь
другой...

*...И насла Бог на ны ради грех
наших иноплеменные...*

Из древней летописи

Допоздна мегаполис стоит
в ушах:
Асинхронный прохожих шаг,
Истеричный визг тормозов, мат;
Астматичный московский март.

Мусульманский месяц плывёт
вверху.
Привыкай, Москва, к их языку,
Поножовщине, свадьбам,
шальной стрельбе.
Подделом беспечной тебе.

Вот теперь, столица,
когда я слеп,
Доверять сим лицам слепцу
не след,
Кто, в чернильных потёмках
прячась,
Караулит мою незрячесть.

Им, знакомым не понаслышке
с кровью,
Нож воткнуть, не дрогнув
бровью,
В старика ль, в подростка
забавы ради
Ничего не стоит, подкравшись
сзади.

Человек — средоточье надежд,
глагол,
В этот мир приходит невзрачен,
гол
И таким же уходит в землю.
Мир трагичен, но я приемлю.

Только он теперь —
слепое пятно.
Зренью в ноль Гомер узреть
мудрено,
Как Москва примеряет обнови
И становится черноголовой.

Чернота сгущается в форму банд,
Вот уже под ними суды и банк.
По утрам нас будит лезгинка,
Заглушая звучанье гимна.

Десятибалльный бес урагана
Катрин.
Путь из вьюг в зэки сквозь
обереги.
Книжный Тагил спирт разделил
на три.
Вон за пустой тарой пришли
ацтеки.

В коитус веки случился
антициклон,
Ветер ворота ищет, куда
вломиться,
Десятибалльный в душах
устроил шмон,
Женщин ошпыливал,
как ресторатор птицу.

И улетел из моей Колымы
в твою
Мокрую кутерьму, превращаясь
по ходу в осень.
И становилось пофиг, что там
убьют —
Пусть на корм кореньям
могильных сосен.

Что до безумств буйных лихой
Катрин,
Я выживал и в бурю,
и без торнадо.
Мы ещё повоюем и пошустрим,
Только бояться смерти (жизни)
не надо.

По воду снова идёт решето,
Беды несут карачун на щите.
Всё, что я делаю в жизни, —
не то.
Не удержать чудеса в решете.

Мёртвой нехваткою воздух
сутул.
Смерть молодеет в столичном
чаду.
Тут никогда бы не выжил
Катулл.
Зреют измены, и подкуп в ходу.
Сквозь хоровод недоношенных
лиц —
Авторов злых обо мне
небылиц —
Ангел бездомных ладони
простёр:
Нечем кормить беспризорный
костёр.

Взрыв! — и могилы встают
на дыбы;
Мёртвым приходится спать
ходуном.
Души витают в трёх жизнях
ходьбы,
Вспоены там атмосферным
вином.

И, распаясь на нечет и чёт,
Скорбная память уже не спешит.
Век сквозь глазницы убитых
течёт
Под содроганье осадных машин.

Безлиственные сны легли
на тень лица,
И отразились там дрожанием
под веком
Осенние леса, как рыжая лиса,
И белочка, бегущая по веткам.

У каждого из нас свой Ангел
за плечом.
Грядущей жизни курс и адрес
неизвестен.

Дойдут ли до Творца,
как письма сургучом,
Слезой опечатанные вести?

Весь день с небес летит
снотворный порошок;
Две наши жизни спят
и шествуют по водам.
Скорей бы этот день и этот
дождь прошёл;
Не вязли бы в грязи прогнозы
и подводды.

По осени из туч не слышен
писк стрижа.
В деревне сарафан давно
не шьют из ситца.
Зато у мужика есть вид
на урожай
И грубая мечта опохмелиться.

На то в любой избе всегда
найдётся квас.
Там угостят и вас без лишних
разговоров.
В деревне важно духом не упасть
У первого случайного забора.

Октябрь листопад роняет
задарма.
Такое сроду вам в столице
не приснится.
И лоб трещит с утра — похоже,
от ума,
А может, всё же
от гостеприимства...

С мозгов не снимешь пелену:
Плюс сорок Цельсия в тени.
Скользнуть в прохладную
страну
И чтобы горькую — ни-ни!

Что я забыл, о чём хотел
Сказать, пока я не мертвец?
Зной обтекает форму тел,
Среди которых — мой отец.

Но в яме Страшного суда
Не будет равенства меж них.
Там пастухи и их стада
В соотношениях иных.

И то, что снится мертвецам,
Не снилось нашим подлецам.
Казнённым нечего терять:
Ни запугать, ни расстрелять...

Море пятится прочь, прихватив
с собою добычу;
День переходит в ночь;
смерть стережёт чавычу.
И не уснуть, хоть тресни,
мне за твоим порогом.
С жизнью простись. Воскресни!
Чтобы предстать пред Богом.
Неумолима связь:
прежде блаженства — мука.
Только что родилась, смотришь —
уже старуха.
Все мы странники здесь,
паломники, пилигримы,
Чаем Благую Весть, слепленные
из глины.
Присмирив, умирая, просим сил
для поклона.

И вот нас земля сырая в своё
возвращает лоно.
Души втянет тоннель —
тот световой проём,
Коим в царстве теней
к Господу поплывём.

Всё, что хотел сказать и поэтому не сказал,
Ибо незачем, да и кто будет слушать?
Правда чужая скучна, как завоёванная Казань.
Остаётся трупы прибрать да кумирни разрушить.

Но продолжается обозначенный Грозным срок
В небе низколетащем над городом покорённым,
В кривоколенном пространстве, в набухших венах дорог,
Но туда — так уж водится — ходу нет посторонним.

Время вынесет с шелестом на облысевший луг
Кости известняковые из лона Итиль-реки.
Истлевая, фаланги пальцев сложатся в черепки,
И черепки не разрушит Господень плуг.

Чтобы на дудочках тех скудельных играло Время-игрец —
Губы в крови, плащ заштопан, засален —
И я, изувеченный, но пока ещё в голосе, певец
Слушал вот эту музыку посреди развалин.

Я лишь частица тех, кто меня дробил
На черепки, фаланги, на мелочь крошек.
Я лишь глина для тех, кто в меня вдолбил,
Что, родившись, я совершил главную свою оплошность.

Громозжу грехи и томлюсь застарелой виной
На земле невиновной, изуродованной нами, болезной.
Я, калека-слепец, земляной, скудельный, земной,
Перед тем как шагнуть вперёд, постою над бездной...